

Тупейный художник — эпизод 6 из 9

Постучали мы в дом и вошли в сени. Отворил сам священник, старый, приземковатый, одного зуба в переднем строю нет, и жена у него старушка старенькая огонь вздула. Мы им оба в ноги кинулись.

Спасите, дайте обогреться и спрячьте до вечера.

Батюшка спрашивает:

А что вы, светы мои, со сносом или престо беглые?

Аркадий говорит:

Ничего мы ни у кого не унесли, а бежим от лютости графа Каменского и хотим уйти в турецкий Хрущук, где уже немало наших людей живет. И нас не найдут, а с нами есть свои деньги, и мы вам дадим за одну ночь переночевать золотой червонец и перевенчаться три червонца. Перевенчать, если можете, а если нет, то мы там, в Хрущук, окрутимся.

Тот говорит:

Нет, отчего же не могу? я могу. Что там еще в Хрущук везть. Давай за все вместе пять золотых, я вас здесь окручу.

И Аркадий подал ему пять золотых, а я вынула из ушей камариновые серьги и отдала матушке.

Священник взял и сказал:

Ох, светы мои, все бы это ничего не таких, мне случалось, кручивал, но нехорошо, что вы графские. Хоть я и поп, а мне его лютости страшно. Ну, да уж пускай, что бог даст, то и будет, прибавьте еще лобанчик хоть обрезанный и прячьтесь.

Аркадий дал ему шестой червонец, полный, а он тогда своей попадье говорит: Что же ты, старуха, стоишь? Дай беглянке хоть свою юбчонку да шушунчик какой-нибудь, а то на нее смотреть стыдно, она вся как голая.

А потом хотел нас в церковь свести и там в сундук с ризами спрятать. Но только что попадья стала меня за переборочкой одевать, как вдруг слышим, у двери кто-то звяк в кольцо.

У нас сердца у обоих и замерли. А батюшка шепнул Аркадию:

Ну, свет, в сундук с ризами вам теперь, видно, не попасть, а полезай-ка скорей под перину.

А мне говорит:

А ты, свет, вот сюда.

Взял да в часовой футляр меня и поставил, и запер, и ключ к себе в карман

положил, и пошел приезжим двери открывать. А их, слышно, народу много, и кои у дверей стоят, а два человека уже снаружи в окна смотрят.

Вошло семь человек погони, всё из графских охотников, с кистенями и с арапниками, а за поясами своры веревочные, и с ними восьмой, графский дворецкий, в длинной волчьей шубе с высоким козырем.

Футляр, в котором я была спрятана, во всю переднюю половинку был пропиленный, решатчатый, старой тонкой кисейкой затянут, и мне сквозь ту кисею глядеть можно.

А старичок-священник сробел, что ли, что дело плохо, весь трясется перед дворецким и крестится и кричит скоренько:

Ох, светы мои, ой, светы ясные! Знаю, знаю, чего ищете, но только я тут перед светлейшим графом ни в чем не виноват, ей-право, не виноват, ей, не виноват! А сам как перекрестится, так пальцами через левое плечо на часовой футляр кажет, где я заперта.

Пропала я, думаю, видя, как он это чудо делает.

Дворецкий тоже это увидал и говорит:

Нам все известно. Подавай ключ вот от этих часов.

А поп опять замахал рукой:

Ой, светы мои, ой, ясенькие! Простите, не взыскивайте: я позабыл, где ключ положил, ей, позабыл, ей, позабыл.

А с этим все себя другою рукой по карману гладит.

Дворецкий и это чудо опять заметил, и ключ у него из кармана достал и меня отпер.

Вылезай, говорит, соколка, а сокол твой теперь нам сам скажется.

А Аркаша уже и сказался: сбросил с себя поповскую постель на пол и стоит.

Да, говорит, видно нечего делать, ваша взяла, везите меня на терзание, но она ни в чем не повинна: я ее силой умчал.

А к попу обернулся да только и сделал всего, что в лицо ему плюнул.

Тот говорит:

Светы мои, видите еще какое над саном моим и верностью поругание?

Доложите про это пресветлому графу.

Дворецкий ему отвечает:

Ничего, не беспокойся, все это ему причтется, и велел нас с Аркадием выводить.

Рассадились мы все на трое саней, на передние связанного Аркадия с охотниками, а меня под такую же охраною повезли на задних, а на средних зальные люди поехали.

Народ, где нас встретит, все расступается, думают, может быть, свадьба.